

сальный характер» (с. 54), або про середньовіччя: «Фаза исторического процесса, которая последовала во всемирно-историческом масштабе за четвертой фазой» (с. 69).

Отже, до висновків. І. М. Дьяконову не вдалося об'єднати емпіричну історію і апіорну «метаісторію». Йому не вдалося не тільки звільнитися від марксистської концепції історії, але й знайти інше, ніж марксистське відчуття історії, він все ще лишається в полоні фундаментальних марксистських метафор: історія має «рух» і «швидкість», історія носить «закономірний» характер і, отже, має «смысл», відшукуваний у вигляді «закону» тощо.

Свого часу Люсьєм Февр іронізував над Тойнбі, який процес власного вивчення історії намагався подати як II концепцію. Приблизно те саме маємо й у випадку «Шляхів історії». Перед нами факт індивідуального прощання І. М. Дьяконова з марксизмом. Основоположнику ж цього учения приписується вислів: «людоство розлучається з минулим сміючись». Дьяконов розлучається з власним минулим, на жаль для його книги, серйозно.

Одержано 20.03.95

Pfrommer M.
UNTERSUCHUNGEN ZUR CHRONOLOGIE
FRÜH-UND HOCHHELLENISTISCHEN
GOLDSCHMUCKS.— Tübingen: Wasmuth, 1990 (IstForsch,
Bd. 37).— 496 S.— 28 Taf.

М. Ю. Трейстер

В современной немецкой литературе за последние годы появилось несколько исследований, посвященных ювелирному делу Греции, прежде всего эллинистического времени, в значительной степени построенных на материалах из Северного Причерноморья.

Это прежде всего монография Б. Делперт-Липпич (1985), посвященная истории греческого ювелирного дела от микенской эпохи до периода позднего эллинизма, представляющая собой, несмотря на кажущуюся простоту изложения, достаточно фундаментальный очерк основных тенденций развития ювелирного дела древней Греции, основанный на современной литературе. Главы, посвященные классическому и эллинистическому времени, построены на материалах памятников Крыма и Таманского полуострова¹.

В том же году в Университете Фрайбурга была защищена диссертация У. Аксмани, годом позже изданная в Берлине, посвященная эллинистическим медальонам, в которой делается попытка обобщения медальонов, использовавшихся для украшения подвесок, серег, браслетов, фибул и др. IV—II вв. до н. э. В работу включено 84 произведения эллинистического ювелирного искусства, значительная часть которых имеет северопричерноморское происхождение².

Развитием того же направления является рецензируемая монография Михаэля Пфроммера «Исследования по хронологии золотых украшений раннего и «высокого» эллинизма», одного из немногих в Германии специалистов по археологии Северного Причерноморья, в настоящее время сотрудника Археологического института Трирского университета.

Общим недостатком исследований по античному ювелирному делу, прежде всего это касается значительных по количеству материалов эллинистической эпохи и первых веков н. э., является неразработанность источниковедческой базы, что в значительной степени снижало ценность таких признанных «настоящими» работ как монографии Р. Хиггинса³. Опубликованные более десятка лет назад работы С. Миллер⁴ и К. Райнсберг⁵, посвященные отдельным аспектам торевтики и ювелирного дела преэллинистического и эллинистического времени, лишь подчеркнули необходимость создания обобщающих работ, основанных на комплексной каталогизации памятников. В работах М. Пфроммера эта тенденция исследования проявляется наиболее ярко — в результате необходимо признать, что в настоящее время археологи-антиковеды, занимающиеся проблемами культуры и художественного ремесла Северного Причерноморья, не могут не опираться на его исследования⁶, в которых тщательность и пунктуальность, характерные для немецкой археологической школы, сочетаются с превосходным знанием фактического материала, значительная часть которого хранится в зарубежных музеях и собраниях.

Основная часть рецензируемой работы разбита на главы в соответствии с принципиальными типами эллинистических ювелирных украшений (гл. 1 — «гераклов узел» в эллинистическом ювелирном искусстве — с. 4—80; гл. 2 — цепочки со звериными или человеческими головками — с. 81—94; гл. 3 — браслеты со звериными головками — с. 95—125; гл. 4 — браслеты и перстни в форме змеек, близкие формы браслетов — с. 126—139; гл. 5 — браслеты с медальонами — с. 139—142; гл. 6 — серьги со звериными или человеческими головками — с. 143—196; гл. 7 — подвески-луницы с украшенными дисками — с. 197—296).

Во введении отмечается, что переход к эллинизму означал для греческого ювелирного ис-

куства своеобразную цезуру с различных точек зрения. Даже при том, что продолжал употребляться богатый репертуар форм классической эпохи, имели место значительные перемены.

Рецензируемое исследование посвящено анализу ювелирных форм, сложившихся к концу IV в. до н. э., представленных, например, в знаменитом кладе в Тух эль-Карамус в Египте. В работе прослеживается развитие диадем с «геракловым узлом», ожерелий с застежками в виде головок животных и серег, браслетов в виде змеи.

Взаимовстречаемость различных категорий ювелирных украшений в комплексах свидетельствует о том, что украшения, в которых был использован мотив «гераклова узла», как правило сочетались с цепочками, имеющими застежки в виде львиных головок, браслетами в форме змеек и серьгами, украшенными головками зверей. В отличие от «гераклова узла» данные ювелирные формы имеют немакедонское происхождение. Так, браслеты в виде змеек существовали еще в классическую эпоху, будучи, впрочем, не столь популярны как в эллинизме, серьги в виде головок животных возникли в Италии и Великой Греции, тогда как для цепочек с застежками в виде звериных головок прослеживаются малоазиатские и даже ахеменидские прототипы. Несомненно ахеменидскими по концепции являются браслеты с головками животных на концах, которые также пользовались большой популярностью в эпоху раннего и развитого эллинизма. Украшения этого типа изготовлялись в греческих мастерских еще в V в. до н. э. и относятся скорее к классическому репертуару форм. Подобным образом серьги и ожерелья классических типов в измененных с течением моды формах получили широкое распространение в раннеэллинистическую эпоху. Что же касается новой для эпохи эллинизма формы «гераклова узла», то связь ее появления именно с македонскими мастерскими не представляется очевидной — несомненно, лишь, что ансамбль, сложившийся из украшений с «геракловым узлом», цепочек и серег со звериными головками, чем дальше тем больше соответствовал развитию моды эллинистических держав.

Это новое сочетание форм частично получило развитие и в областях, которые никогда не находились под контролем македонской династии. Во всяком случае одним исключением здесь являются контролируемые Римом территории Центральной Италии, откуда впрочем на сегодняшний день не известно ни одного украшения с «геракловым узлом» македонского типа. Справедливо утверждать, что новое сочетание форм утвердилось практически исключительно в областях, где доминировали греки. Это подтверждает не только пример с контролируемой римлянами Центральной Италией, об этом же свидетельствует и северопонтийский регион. Хотя в некрополях греческих колоний имеются многочисленные находки украшений рассматриваемых типов, несмотря на обилие греческого импорта в скифских погребениях, подобные комплексы украшений там практически не известны. Подобным же образом, вероятно, складывалась ситуация в эллинистической Малой Азии. Несмотря на обилие форм, имеющих ахеменидские прототипы, получивших распространение в период раннего эллинизма, создание империи Александра Великого отнюдь не вызвало этот расцвет ахеменидского репертуара — рассматриваемые формы, вошедшие в греческий, в том числе и в македонский репертуар, еще в доэллинистическое время.

Несмотря на быстро развивавшееся эллинистическое койне в отдельных формах нашли отражение региональные особенности. О них также свидетельствуют и наблюдения за распространением вещей, хотя, говоря о региональных особенностях, приходится мыслить достаточно широкими ареалами, сравнивая, например, «северопонтийский» с «македонским» или «сиро-селевкидский» с «птолемеевским». Так, например, рассматривая особенности декора «геракловых узлов», автор приходит к мысли о тесных связях македонского ювелирного дела с Малой Азией и Северным Причерноморьем (с. 12, 13). Выделение местных особенностей ювелирных украшений, особенно таких сложных, как, например, диадем с «геракловым узлом» построено на детальных синхронистических таблицах элементов декора (с. 78, 79, рис. 13) и картографирования находок. Во всяком случае, выделение местных особенностей осложняется тем, что количество документированных археологических находок меркнет по сравнению с многочисленными предметами, прошедшими через художественный рынок.

Типологические исследования позволяют выделить особенности македонского, селевкидо-сирийского, а также птолемеевского репертуара прежде всего при анализе серег, даже при том, что для селевкидской Средней Азии картина представляется далеко не ясной. Нельзя недооценивать и влияние эллинистического репертуара форм на местные постахеменидские мастерские. Нам представляется, что автор не использовал все имевшиеся у него возможности для локализации центров производства отдельных типов украшений, даже в случае с серьгами — необходимо было шире привлечь опубликованные материалы по литейным формам (с. 151) — например, статью Н. А. Лейпунской о новых находках литейных форм в Ольвии⁷, не говоря уже о том, что в фондах музеев имеются неопубликованные материалы, например форма для отливки серег с львиными головками в Херсонесе.

Некоторые разделы работы специально посвящены находкам из северопонтийского региона, как, например, очерк о полихромных «геракловых узлах II в. до н. э. в Северном Причерноморье», в котором идет речь о памятниках типа диадемы из Артюховского кургана.

Типологическое развитие форм реконструировано на основе анализа совместных находок. При этом существовало два возможных направления оценки. Если считать находки в комплексе с ювелирными украшениями монет Александра или Лисимаха существенными и датировать погребения с краснофигурной керамикой самое позднее концом IV в. до н. э., которое на протяжении жизни последующих поколений лишь постепенно модифицировалось. Что касается чеканки Александра и Лисимаха, то, учитывая обилие посмертных выпусков, автор пришел к заключению, что только в единичных случаях можно прилекать эти монеты для датировки. Относительно датировки краснофигурной керамики, М. Пфроммер отмечает, что по крайней мере для Македонии и Северного Причерноморья можно говорить об ее изготовлении и в первой трети III в. до н. э. не говоря о помещении в могилы старых сосудов.

Следующая часть работы представляет собой каталог комплексов находок (гл. 8), представленных в работе, разбитый по территориальному (Египет — с. 207—209, Греция — с. 209—220, Великая Греция — с. 221—238, Малая Азия — с. 238—242, Македония, Фракия⁸, Иллирия, Албания, включая города северного побережья Эгейского моря — с. 243—259, Северное Причерноморье — с. 260—289, Сирия и Средняя Азия — с. 289—293, Кипр — с. 293—296, комплексы, происхождение которых точно не известно — с. 296—298) и хронологическому принци-

пам, имеющий помимо чисто прикладного и самостоятельное значение в качестве достаточно полного справочника по погребальным комплексам конца IV—II вв. до н. э. В частности в каталог включено 59 комплексов из Северного Причерноморья: главным образом из некрополя Пантикапея, а также Горгиппии, Танаиса, Ольвии, Нимфея, Херсонеса, курганов: Ак-Бурунского, Артоховского, Трехбратнего, Большой Близницы, Куль-Обы, Зеленского, Толстой могилы и др. При этом датировки погребений обосновываются привлечением аналогий для всего комплекса находок из рассматриваемых погребений. Тем не менее, несмотря на хорошее знание русской и советской литературы по данному вопросу, автор выпустил из вида ряд важных публикаций⁹. Касаясь перстней с пантикапейскими статерами из Рыжановского кургана (комплекс Рыжановского кургана привлекается для обоснования датировки погребения, раскопанного в 1840 г. в Аджимушкае Д. Карейшей) (с. 274, 275) необходимо было бы привести ссылки на недавние публикации польских исследователей¹⁰.

Наконец заключительный раздел монографии составляет каталог основных категорий эллинистических ювелирных украшений, разбитый внутри категорий по типам, причем отдельные памятники сгруппированы по территориальному принципу (гл. 9 — украшения с «тракловым узлом» — с. 299—319, гл. 10 — цепочки со звериными и человеческими головками — с. 320—330, гл. 11 — браслеты со звериными головками — с. 331—347, гл. 12 — браслеты и перстни в форме змеих — с. 348—353, гл. 13 — серьги со звериными или человеческими головками — с. 354—398).

В заключение отметим ряд мелких неточностей и ошибок, впрочем существенно не меняющих высокую оценку работы: так В. М. Сысоев назван на с. 284 в прим. 2632 Сысоевой, в названии монографии Д. И. Самоквасова «Могилы Русской земли» — пропущено слово «могилы» — с. 274, прим. 2455.

Примечания

¹ *Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck.* — Mainz: Zabern, 1985 (Kulturgeschichte der antiken Welt, Bd. 27). — 322 s. — 225 Textabb. — U. 32 Farbtaf.

² *Axmann U. Hellenistische Schmuckmedaillons.* Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät an der Albert-Ludwigs-Universität zu Freiburg i. Br. — Berlin, 1986. — 295 s. — 8 Taf.

³ *Higgins R. Greek and Roman Jewelry.* 2nd ed. — Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1980. — 243 P. 64 Pl.

⁴ *Miller St. G. Two Groups of Thessalian Gold.* — Los Angeles—London: University of California Press, 1979. — 78 P. (University of California Publications in Classical Studies, V. 18).

⁵ *Reinsberg C. Studien zur hellenistischen Toreutik.* — Hildesheim, 1980 (Hildesheimer Ägyptologische Beiträge, Bd. 9). — 355 S. Помимо рецензируемой монографии, это, прежде всего две большие статьи, опубликованные в Ежегодниках Немецкого археологического Института, в которых общие проблемы художественного ремесла раннеэллинистической эпохи решаются со значительным привлечением северопричерноморских материалов, и монография о раннеэллинистической торевтике Александрии и Великой Греции. См.: *Pfrommer M. Grossgriechischer und mittellitalischer Einfluss in der Rankenornamentik frühhellenistischer Zeit // Jdl.* — 1982. — Bd. 97. — S. 119—190; *Pfrommer M. Italien-Makedonien-Kleinasien. Interdependenzen spätklassischer und frühhellenistischer Toreutik // Jdl.* — Bd. 98. — S. 235—285; *Pfrommer M. Studien zu alexandrinischer und grossgriechischer Toreutik frühhellenistischer Zeit.* — Berlin: Gebr. Mann, 1987. — 312 S. — 62 Taf. (Archäologische Forschungen, Bd. 17).

⁷ *Археология.* 1981. — Вып. 45.

⁸ Необходимо учесть защищенную недавно М. Димитровой-Ивановой диссертацию о ювелирном деле Фракии эллинистического времени и ее же статью о серьгах с львиными головками на территории Болгарии. См.: *Димитрова-Иванова М. Ювелирство в Тракия през эллинистическата епоха.* Канд. дисс. София, 1989; *Археология.* 1989. Кн. 2. С. 68—69 (краткое содержание); *Димитрова М. Обещи с лъвски глави от еллинистическата епоха (по материали от България) // Археология.* — 1989. — Кн. 3. — С. 1—14.

⁹ См. например: *Пятышева Н. В. Ювелирные изделия Херсонеса. Конец IV в. до н. э. — IV в. н. э.* — М., 1956 (Труды ГИМ, Вып. XVIII). — 84 С.; *Античная торевтика.* — Л., 1986; *Грач Н. Л. Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба (к вопросу о мастерских) // ТГЭ.* — 1984. — Вып. XXIV. — С. 100—109; *Алексеев Ю. А. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э. // СА.* — 1987. — № 3; *Алексеев Ю. А. Хронография Скифии второй половины IV в. до н. э. // АСГЭ.* — 1987. — Вып. 28. и др.

¹⁰ *Kubczak J. Statory panikapejskia z glowa satyra // Ars Una.* Poznan, 1976. — S. 13—16; *Mielczarek M. Gold Panikaapean Coins set in Rings found in the Great Ryzhanovka Barrow (Ukraine) // Archeologia.* — 1986. — V. 37. — p. 104, 105.

Одержано 29.01.91